

Соискатель СОИГСИ
М.М. Бетеева

Становление и развитие школьного образования в Южной Осетии (XIX–нач. XX вв.)

М.М. Бетеева

Вхождение Грузии в состав России сыграло позитивную роль в приобщении южных осетин к русской и грузинской культурам, в становлении и развитии народного образования. Царское правительство, заинтересованное в подготовке чиновников из числа представителей местного населения, проводило мероприятия по организации народного образования в Южной Осетии.

В результате присоединения к России, Южная Осетия была включена в политико-административную систему Российского государства, что предопределило новые пути социально-экономического развития края. По социально-правовому положению население Южной Осетии делилось на две группы. Жители предгорной и низменной полосы постоянно испытывали давление со стороны грузинских феодалов Мачабели и Эристави, которые не только были объявлены царским двором правителями Южной Осетии, но позже были наделены и землями. Население же горной полосы было территориально отдалено от Грузии и, соответственно, лучше защищено от феодальных вторжений. Претензии грузинских феодалов, поощряемые царской администрацией на Кавказе, а также репрессивные меры Российских властей против юго-осетинских крестьян, выливающиеся в карательные экспедиции, вызвали упорное сопротивление, носившее характер народно-освободительного движения. Вместе с тем, с целью большего усиления своего влияния, царская власть использовала и «не карательные средства»: стала интересоваться школьным образованием.

В 1815 году была восстановлена деятельность «Осетинской духовной комиссии» в Тифлисе. Для достижения лучших результатов в распоряжение комиссии было выделено сто казаков для «мирного насаждения» христианства и для сопровождения проповедников в горах Осетии. Средства, выделяемые комиссией, тратили: «... а) на кресты, шнуры, иконы и прочее – 7 436 рублей, б) на приласкание и подарки старшинам – 3 514 рублей, в) на жалование священнику и церковнослужителям – 9 050 рублей серебром» [1].

С целью покорения народа и достижения успехов в насаждении религии комиссия задабривала подарками горских старшин, стремилась привлечь их на сторону царской власти.

Следует отметить, что миссия поначалу имела успех: люди охотно «обращались в христианство». На них возымело влияние и то, что проповедники обещали освободить «обратившихся» от гнета помещиков, от повинностей. Однако после того, как «были употреблены законные средства привести их в повинование своим помещикам и гражданским властям, то усердие к обращению и к проповедникам до того ослабело в туземцах, что миссионеры вынуждены были обратиться к гражданскому начальству с просьбой усмирить их горские пасты» [1, с. 837].

В документе, относящемся к 1817 году, сотрудником «Осетинской духовной комиссии» архимандритом Никифором дано описание сел Южной Осетии, а точнее ее части. В отчете подробно рассказывается о селах Джомагского, Нарского, Корнисского, Залдийского, Джавского, Мсхлебского, Герского обществ, о численности дворов и населения, о расстоянии между селами, о необходимости строительства в этих селах церквей, о местных священниках, о количестве новокрещенных и т.д. Однако никакого намека нет об открытии школ. Между тем перечисленные общества не были отдаленными, а самыми что ни на есть доступными. Естественно предположить, что и в других юго-осетинских обществах (Рук, Едис, Ерман и др.) также еще не было школ. Несмотря на то, что в функции «Осетинской духовной комиссии» входило просвещение осетинского народа, путем проведения в жизнь образовательных программ, открытие школ оставалось наименее значимым в деятельности комиссии.

Вместе с тем следует отметить, что до 1801 года в Грузии все же обучались осетины, хотя это были лишь единицы. Среди них известный монах Христодул, иеромонах Гамалиил, архимандрит Неофит, Иоанн и другие [2]. Они получили хорошее для того времени богословско-философское образование. Так, Иоанн, учась в Гареджийском монастыре, настолько хорошо изу-

чил философию и другие науки, что «переводил на осетинский язык служебник и молитвенник и потом сам воспитывал многих». Архимандрит Неофит был иеромонахом католикоса Антония и «лучшим чтецом богослужебных книг и знатоком писания, отличным писателем (переписчиком книг)». Иеромонах Гамалиил «был воспитан в церковном пении, в писании, был опытный в арифметике, чудный писатель (переписчик книг), который переписал много священных и светских книг». А вот монах Христодул был «опытным в знании грузинского, арабского, персидского письма, близко знал Коран: он был философом и опытным в священном писании» [2]. Все упомянутые представители Осетии получили образование, отвечавшее условиям феодальной Грузии: знание священного писания, философии, владение, помимо грузинского языка, арабским и персидским (для целей миссионерства).

Но время шло, и вместе с ним менялось и отношение к просвещению народа. Началось строительство церквей в Южной Осетии. В одном только 1818 году были построены церкви в сс. Мсхлеб, Рук, Едис, Сба, Згубир, Джер, Ортев и Чесельт [1, с. 582–583]. На повестке дня стал вопрос о подготовке кадров духовенства.

Для подготовки церковнослужителей, священников, миссионеров и, естественно, для более успешного распространения христианства высшая церковная власть открыла духовные учебные заведения в Грузии: в 1817 году – Тифлисскую духовную семинарию и Тифлиское духовное училище, в 1818 и 1821 гг. – соответственно Горийское и Кутаисское духовные училища. Насаждение чужого языка и культуры, а также строгие порядки в духовных учебных заведениях нередко отпугивали детей, и их приходилось насильно заставлять учиться. В монастырях велась строгая и точная документация, они периодически отчитывались перед начальством. В рапорте Бекмарского протоиерея Афанасия Мачаварианова экзарху Грузии от 3 февраля 1826 года, об обучении осетинских детей грамоте, говорится: «Ваше высокопреосвященство орденom предписать мне изволили, собрав осетинских детей, обучать их грамоте на осетинском наречии и донести вам, кто чей сын и сколько отроду лет, на что почтеннейше доношу вашему высокопреосвященству, что ныне обучаются у меня букварям на осетинском языке, а именно: первый, Корнисского жителя Гаха Гасишвили сын Андрей, 8 лет, второй, тамошнего же жителя Ефрема Джиошвили сын Семен, 6 лет, третий, торманеульского жителя Кито Джиошвили сын Георгий, 11 лет» [1, с. 556].

Распространению образования среди южных осетин способствовало и особое указание экзарха Грузии от 1826 года, предписывавшее духовенству церквей Южной Осетии «собрать осетинских детей и обучать

их грамоте по-осетински» (подч. нами. – М.Б.). В указании предписывалось «учиться и читать и писать на природном их языке и что обучившиеся сему дети их могут впоследствии времени быть определены к осетинским церквам причетниками, диаконами и священниками с получением жалования, а, находясь в священническом звании и отправляя все христианские требы у единоплеменников своих на таком языке, который для всех понятен, великую чрез то доставят душевную пользу всем имеющим слышать на природном своем языке евангельскую проповедь и спасительный закон божий» [1, с. 557–558]. После этого указания в селах Южной Осетии, чаще всего при церквах, стали открываться школы, названные поэтому церковно-приходскими. Количество учеников в таких школах было минимальным: в Бекмарской их было три, в Чесельтской – четыре, в Джавской – два, в Едисской – один [1, с. 580–581].

В подавляющем большинстве случаев учителями в таких школах были местные приходские священники, попы и причетники; все они были грузинами, не владевшими осетинским языком.

Между тем тяга к школе среди сельского населения была очень высокой. В 1826 году священник Бекмарского прихода писал экзарху Грузии: «Отправился я в селение Беставапсепельского прихода, где я заметил, что церковь еще не построена, почему тамошние жители, старшины осетинские, просили меня о построении у них церкви, говоря, что они, не меньше прочих осетин, которые и обещают отдать своих детей для обучения грамоте» [2].

Деятельность школ не носила постоянного характера. Некоторые школы, упоминаясь в отчете одного года, в отчете следующего года уже отсутствовали. В 1847 году были вновь открыты школы при Цинсепельской церкви, при Джавской и Хачираанткарской церквах. Количество учеников в них составляло двадцать восемь человек. Но уже в отчете «Осетинской духовной комиссии» за 1848 год фигурирует лишь Джавская школа, другие, по всей видимости, были закрыты. Такая картина царилa повсеместно. Исключение составляла, пожалуй, только Джавская школа: о ней писали и чаще и дольше других. В отчете духовной комиссии за 1849 год Джавская школа упоминается как единственная школа Южной Осетии, тогда как в Северной Осетии к тому времени функционировали Нарская, Кобано-Какадурская и Ардонская школы.

Несмотря на тяжелые материально-бытовые условия, в селах Южной Осетии открывались все новые школы: в 1853 г. – Чесельтская, в 1854 г. – Рокская, в 1856 г. – Кошкинская (с. Кусджытж), а в 1852–1858 гг. вновь были открыты Мсхлебская и Ортевская школы.

Функционировавшие школы в большинстве своем не имели собственных зданий. Например, Чесельтская школа находилась в доме причетника, Рукская – в доме священника. Школы, имевшие собственное по-

мещение (Джавская, Ортевская), были построены «усердием прихожан».

После передачи функций «Осетинской духовной комиссии» «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе» (1860) ситуация в школьном образовании изменилась в лучшую сторону. В течение шести лет количество школ увеличилось в пять раз. Так, если в 1860 году в Южной Осетии были две школы с тридцатью восьмью учениками, то в 1866 году их стало одиннадцать со ста сорока пятью учениками.

Вторая половина XIX в. и начало XX в. характеризуются дальнейшим расширением сети школьного образования в Южной Осетии. Помимо уже действовавших церковно-приходских школ открываются министерские школы, женские и профессиональные училища.

Школы находились в непригодных для них помещениях. По словам Коста Хетагурова: «В горной Осетии положение учащихся невыносимо еще и потому, что там школьные здания похожи скорее на хлев, чем на просветительное учреждение. Тесные, низкие, ничем не обмазанные каменные сараи, большей частью с земляным полом, с маленькими оконцами, с жестяной плитой вместо печи» [8].

Немало трудностей создавали расстояния, которые приходилось преодолевать по пути в школу. Если же еще принять во внимание факт разбросанности поселков в горах, когда детям приходилось ежедневно «идти 4–12 верст в оба конца» [9], то становятся ясными основные причины неудовлетворительного уровня просвещения в Южной Осетии. Например, в Ванатскую школу ходили дети из деревень, отдаленных от нее на 5–6 км, а в Джавскую – даже на 11–12 км. Горские приходы, объединявшие по несколько сел, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, имели, как правило, по одной школе. Учащимся из сел, удаленных от населенного пункта со школой на несколько километров, приходилось тратить все свое время на ходьбу в школу и обратно. Если к тому же учесть зиму в горах и то, что крестьянские дети в большинстве своем одеты и обуты были очень плохо, то становится понятным их тяжелое положение. Была совершенно очевидна необходимость пансионатов, где бы определенное время могли оставаться дети, которым приходилось ходить в школу на дальние расстояния. Это отмечали в своих отчетах инспектора школ. Но на просьбы об отпуске средств на устройство пансионатов царские власти отвечали отказом. Крестьянам приходилось самим собирать деньги на организацию таких «пансионатов». В 1902 году крестьяне села Рук изъявили желание платить за содержание таких домов ежегодно 300 рублей. «Ночлеж-

ные дома» открылись при Ванатской школе, а с 1910 года – в селении Кошки (с. Кусджыгж).

Программа обучения в школах была примитивной. Изучались русские буквари, основы христианского учения, краткий катехизис и церковное пение. Но так как учащиеся не владели русским языком, то все усваивалось на уровне механической зубрежки: дети не понимали сути и содержания прочитанного или рассказанного. Обучение не приносило позитивных результатов. Инспекторы школ от «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» неоднократно обращались к учебному ведомству с просьбой «первоначальное образование горских детей начинать с природного языка» [2, т. 3, с. 625–629]. С этой целью всем церковнослужителям было предложено изучить осетинский язык.

В 1857 году в Джавской и Ортевской школах, благодаря стараниям и инициативе местных жителей, стали изучать осетинский язык, хотя в учебных документах он проходил как факультатив, в ведомости об успеваемости не вносился [3].

В 1881 году в Цхинвале была открыта первая светская школа, на средства местных жителей. Инициаторами ее открытия были местные жители Яралов и Биниашвили. Позже были открыты министерские училища в сс.Закор (1891), Часавал (1896), Цхинвал (двухклассное женское в 1896 г. и три мужских в 1909 г.), в Зар и Эдис (1896.), Гверцеви (Корсев), Хвце, Цон (1910), Гуфта, Курта, Тбет, Джер, Квернет, Принев (1912), Шушитыкау (1913) [4].

В восьмидесятых годах XIX в. в Цхинвале появились национальные школы: армянская и еврейская. Армянская школа финансировалась церковью и работала по программе двухклассной нормальной школы; до этого местные евреи и армяне были вынуждены обучать своих детей дома, «частным порядком» [5].

До 1826 года в осетинских школах не было ни одной девочки. В 1900 году в школах Южной Осетии обучалось уже сто тридцать пять. «Но больно было смотреть на то, как зимой не одетые (в ситцевых платьях) и необутые девушки сидят на корточках в нетопленных классных комнатах» [6]. И несмотря даже на такие трудности, количество девочек, желающих встать на дорогу просвещения, увеличивалось. По данным «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», в 1898 году в одной только Джавской двухклассной школе училось сто четырнадцать женщин [1, т. 3, с. 693]. В программу женских школ входили такие предметы, как закон божий, чтение, письмо и рукоделие.

В последней трети XIX века появились и первые учительницы-осетинки в школах Южной Осетии. Трое из них окончили Тифлисское епархиальное женское училище. В сообщении канцелярии совета «Общества восстановления православного христианства на Кав-

казе» священника И. Капанадзе говорится: «Канцелярия совета Общества имеет честь уведомить Вас для сведения, что в Герскую школу Горийского уезда резолюцией его преосвященства экзарха Грузии, наложению 4 сентября 1889 года допущена к исполнению должности учительницы окончившая полный курс учения в Тифлиском епархиальном женском училище Анна Кокоева» [1, т. 3, с. 656].

Среди первых осетинок, получивших образование и работавших на ниве народного образования в Южной Осетии, были: Цховребова Анна, Санако-

ева Вера, М.З. Джиева, Н.Г. Томаева, М. Харебова и другие [7].

Формирование образовательной системы в Южной Осетии проходило достаточно тяжело в силу причин как объективного, так и субъективного характера. Полное отсутствие педагогических принципов и подходов, несовершенство способов и методов обучения, отсутствие квалифицированных педагогических кадров, игнорирование традиционных обычаев и нравов – все это способствовало замедленному росту образовательного процесса среди населения Южной Осетии.

Литература

1. *История Юго-Осетии в документах и материалах. Сост. Цховребов И.Н. – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. Т. 2. С. 557–558.*
2. *Гадиев П.Ю. История развития народного образования в Южной Осетии. С. 17.*
3. *Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. – Орджоникидзе. 1962. С. 46–49.*
4. *Газета «Танамедрове азри». 1961, № 30.*
5. *Очерки истории Юго-Осетинской автоном-*
- ной области. – Тбилиси. 1985. Т. 1. С. 248.*
6. *Газета «Иверия», 1891 г., № 227. С. 2–3.*
7. *Плиева О.С. Прошлое и настоящее женщин Южной Осетии. С. 58.*
8. *Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. – М., 1960. Т. 4. С. 294.*
9. *Ирон Амзор. Школьное дело в южной Осетии. Периодическая печать об Осетии и осетинах. Т. 5. – Цхинвал, 1991. С. 47.*

